

но их находить). Потому что не было тогда ни химии (в ее теперешнем смысле), ни, понятно, се «зерен» и «первых шагов» тоже не было. А было нечто иное и, может быть, с особой выразительностью представленное как раз в средневековой алхимии; сжато, наглядно, многолико представленное! В ней одной — все разом; грубо и неуживчиво. И тогда, может быть, станут видны центростремительные и центробежные силы, взрывающие это культурное целое, чреватое исторически необходимым возникновением специальных научных дисциплин, относительно самостоятельных форм труда, столь характерных для нового времени.

Но здесь я преступил границы Пролога. Декларированным гипотетическим соображениям, возникшим на первоначальном едва ли не случайном распутии возможной проблемы, еще предстоит быть обоснованными либо обоснованно отвергнутыми.

Такова триединая задача, решить которую предстоит.

Но как раз в свете поставленной задачи и предполагается понять алхимический текст как о с т а н о в л е н н о с мышление, которое нужно дегерметизировать, заставить ожить, вернуть к началу, сделать мышлением движущимся¹⁵. Текст как становление, как отражение деятельности, а стало быть, сама эта деятельность¹⁶.

Анализ текста как фиксированного мышления призван реконструировать алхимические рукотворные процедуры, алхимическую практику, «эксперимент» и «теорию» средневековых алхимиков¹⁷, в предметных формах представляющих это мышление.

Именно практическая деятельность есть предмет предстоящего анализа, ибо, по Марксу, «Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»¹⁸. В человеческой практике, в предметной, ориентированной на преобразование вещественного мира деятельности средневекового человека находят свое разрешение и алхимические мистерии. Только всестороннее воспроизведение алхимии как целостного образа культуры¹⁹, что, конечно же, укоренено в марксистской историог-

¹⁵ Но здесь-то и таится возможность аналитического расщепления целостного образа: «...нежное и драгоценное целое, которое нельзя расчленять и расщеплять в исследовательской жесткости, ибо его жалеть!» (Манн, 1968, 2, с. 314).

¹⁶ Выбор первоисточников, особенно алхимических,— сложнейшая проблема источниковедения истории средневековой культуры. Гарантией представительного их выбора может служить обращение к фундаментальным сводам алхимических текстов и некоторым критическим их изданиям, поименованным в библиографическом приложении.

¹⁷ Именно средневековая «алхимическая химия» (вкупе с химическим ремеслом) и есть та химия, из которой *Бойль*, по определению Ф. Энгельса, «делает науку». Значит, было из чего делать! Диалектика традиции и новаторства в становлении науки нового времени, замечательно уловленная Ф. Энгельсом, демонстрирует эвристические возможности применительно и к нашему предмету.

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 3, с. 3.

¹⁹ Некоторая недоговоренность предполагается заранее. Это знак реальных трудностей, проработать которые окажется возможным когда-нибудь в другой раз. Утешусь пока утешениями Томаса Манна: «...довести совершенство и чистоту какого-